

Александр Тюрин

КАПИТАЛИЗМ

история большого грабежа

Английский образец

Александр Тюрин

Капитализм – история большого грабежа. Английский образец

«Автор»

2012

Тюрин А. В.

Капитализм – история большого грабежа. Английский образец /
А. В. Тюрин — «Автор», 2012

ISBN 978-5-457-44750-9

История капитализма – это история большого грабежа, порабощения слабых социумов и поглощения их ресурсов, история присвоения чужого труда и знаний.

ISBN 978-5-457-44750-9

© Тюрин А. В., 2012
© Автор, 2012

Содержание

Александр Тюрин	5
Прембула	5
Англия. Образцовый капитализм, начало	7
Елизаветинский «золотой век»	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Тюрин

Капитализм – история большого грабежа. Английский образец

Преамбула

Современный капитализм, потомок погибшего в муках римского капитализма, родился в т. н. «длинном 16 веке», продлившемся от середины 15 в. до середины 17 в. «Ребенок» сразу показал неслабый аппетит и крепкие зубы. Это была эпоха масштабного передела собственности, а выражаясь недипломатично, великого грабежа.

В Европе это время наступления на крестьян, происходящее с конфискацией общинной и мелкой крестьянской земельной собственности.

Собственность становилась священной только тогда, когда попадала в руки нарождающегося класса капиталистов и обуржуазившегося дворянства. Сеньоры отнимали земли у крестьян, городские капиталисты скупали земли у сеньоров. Массы людей лишались собственных средств производства и существования. Элиты решали на свой лад вопрос излишков сельского населения. Суды приговаривали обезземеленных крестьян, ставших бродягами, к истязаниям, казням, отправляли на виселицу и на каторгу. Голодный пролетариат вынужден был отдавать свой труд ближайшему нанимателю по любой (то есть минимальной) цене. У ограбленного крестьянина имелся «большой выбор» между плахой, тюрьмой-работным домом и таким вот «вольным наймом».

Его «освобожденный» труд вовсе не стал товаром на свободном рынке труда, как тщатся представить либералы. Он обернулся рабством у коллективного капиталиста. Альтернатива – смерть. Охота на ограбленных крестьян (бродяг, «еретиков», «ведьм») маскировала наступление капитала, загоняющего их на мануфактуры, шахты, фабрики.

Даже там, где сохранилась власть сеньоров (панов, баронов), крестьяне начинают работать из-под палки на нужды мирового капиталистического рынка – приходит «второе издание крепостничества» по терминологии Маркса или «вторичное крепостничество» согласно Броделю. Панщина-барщина в Польше, Силезии, Ливонии, Венгрии доходит до 6, потом и 7 дней в неделю, крестьянин уже не имеет времени трудиться на своем участке и получает пайку-месячину как лагерник.¹ Пан, гонящий сырье ганзейским и голландским оптовикам, всё более интересуется землями и крепостными на востоке и польско-литовское панское содружество ведёт свой «дранг нах остен», колонизацию западнорусских земель. Проглатывает Галицко-Волынскую Русь, Полоцкую землю, Поднепровье, перепрыгивает через Днепр, крадется по Смоленско-Московской возвышенности к Можайску. Русский крестьянин должен обеспечить пану-сырьеву поставки на западноевропейский рынок, где приток южноамериканского серебра и политика огораживаний резко вскрутили цены на зерно.

В этом время капитал выходит на мировую арену, вторгается в социумы, ведущее натуральное и мелкотоварное хозяйство, разрушает их, стирает словно ластиком народности, запоздавшие со своим развитием, поработачивает их остатки. На исчезновение обречены были культуры коренных американцев, причем и в самых развитых регионах Нового Света, где применялись сложные технологии интенсивного земледелия, такие как чинампы (искусственные острова). Начинается перекачка рабской силы из Африки в Америку через транс-

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М. 1988, с. 260.

атлантический «рабопровод». Неспособные к плантационному рабству индейцы уничтожаются и заменяются на трудоголиков-негров. За полтора века после прихода западных колонизаторов индейское население Америки сократилось с 75 млн. до 9 млн. чел.² Охота на африканских рабов для американских плантаций запустила процесс длительной депопуляции Африки. С пушечной пальбы Альбукерки началось разрушение цивилизации Индийского океана, вскоре на смену португальцам придут голландцы и англичане.

Капитализм постепенно создает новые социальные системы – буржуазные нации, поддерживающие свой гомеостаз за счет жестокой эксплуатации неимущих одноплеменников и слабых социумов мировой периферии. В известном смысле, принципом буржуазной нации является вампиризм. Устойчивость системы-вампира достигается за счет повышения энтропии в системах-донорах.

Новая протестантская этика отображает новые принципы хозяйствования: максимизация прибыли и снижение издержек, к которым отнесена и прежняя мораль.

² Zeiten und Menschen. Paderborn: Schoeningh, 2011.

Англия. Образцовый капитализм, начало

Как показал И.Валлерстайн, разложение государств и социумов на периферии всегда были средством доступа западного капитала (ядра капиталистической мир-системы) к новым ресурсам. «Сила государственной машины в государствах центра является функцией от слабости других государственных машин. Следовательно, вмешательство иностранцев посредством войн, подрывных действий и дипломатии становится участью периферийных государств.» Одним из видов этого вмешательства является психологическое – внушение покоряемому народу, что он неполноценный, с уродливой историей, с врожденным рабством, агрессивностью, жестокостью, неуважением к собственности и т. п. А вот-де есть нации, где всегда царили свобода, демократия, уважение к собственности и гуманизм. Потому и остается недоделанным народцам покориться «нации свободных людей». В качестве цитадели «свободы», «демократии» и тому подобного агенты западного влияния очень давно и весьма часто выставляют Англию. А на мой взгляд основное достоинство Англии – это умение расчленять и поглощать жертву любых размеров, сохраняя при том невозмутимое выражение. «Она умерла», и всё тут. Заметать под ковер следы своих преступлений английская правящая верхушка научилась в совершенстве.

Морские воды, отделяющие Британские острова от европейского континента, стали для Англии источником двух благ. Способствуя торговому обмену, они защищали ее от сильных континентальных врагов.

Два основных ресурса первой фазы промышленной революции – каменный уголь и железная руда – имелись в Англии в «шаговой доступности» и в изобилии. В Йоркшире, Ланкашире и других районах железорудные и каменноугольные месторождения едва не напознали друг на друга. На сравнительно небольшой территории располагались месторождения меди, олова, свинца, серебра. Уголь и руда находились вблизи основного торгового ресурса – незамерзающих портов, через которые мог осуществляться вывоз готовых изделий и ввоз дополнительных объемов сырья. А ведь в Англии не существует ни одного пункта, удаленного от никогда не замерзающих морских вод (обеспечивающих самую дешевую транспортировку грузов) более, чем на 70 миль.³

Географическое положение, климат, природные ресурсы были важными факторами в пользу английского капитала. Но был и еще один. И вовсе не «свобода», как непременно отмечают англофилы, а умение расти за счет слабых, за счет их разорения, изгнания и уничтожения. То, что свобода сильных всегда имеет обратной стороной рабство слабых, на примере английской истории было показано весьма четко.

Процесс огораживаний (*enclosures, evictions*), имевший место и в позднем средневековье, когда в английское село стали проникать элементы капиталистического хозяйствования, с конца 15 века постоянно набирает силу. Этим в общем-то техническим термином именовали приватизацию общинных (открытых) полей, выпасов и изъятие крестьянских наделов – как правило, в пользу лорда-землевладельца и его крупных арендаторов. Большую роль в экспроприации крестьянства сыграла и ликвидация трех тысяч английских монастырей. Корона отняла у них всё, чем они владели, нередко с погромами и насилием. (Английские нравоучители как-то не любят вспоминать жестокие преследования церкви на их собственной территории.) Монастырские земли были переданы и распроданы буржуазному «новому дворянству». Для крестьянских общин, населявших эти земли, наступили худые времена.

³ Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848. Ростов-на-Дону, 1999, с. 68.

Уже Томас Мор в своей «Утопии», датированной 1516 годом, нарисовал впечатляющую картину социальных последствий процесса огораживаний. Экспроприированное крестьянство превращается в нищих бродяг:

«...Происходит переселение несчастных: мужчин, женщин, мужей, жен, сирот, вдов, родителей с малыми детьми и более многочисленными, чем богатыми, домочадцами, так как хлебопашество требует много рук. Они переселяются, повторяю, с привычных и насиженных мест и не знают, куда деться; всю утварь, стоящую недорого, даже если бы она могла дожидаться покупателя, они продают за бесценок при необходимости сбыть ее. А когда они в своих странствиях быстро **потратят это, то что им остается другое, как не воровать и попадать на виселицу** по заслугам или скитаться и нищенствовать? Впрочем, и тут, как бродяги, они попадают в тюрьму за свое праздное хождение, – никто ведь не нанимает их труд, хотя они самым пламенным образом предлагают его.»⁴

Современники Мора писали: «Там, где сорок человек имели средства к жизни, там теперь всё имеет один человек и его пастух».⁵

В отчетах правительственных комиссий, производивших обследование огораживаний при Генрихе VIII, типичны фразы об их жертвах, исчисляемых десятками семей, даже в случаях огораживания в каком-либо одном маноре (поместье) или селе: «Ушло отсюда с плачем 60 человек, которые **вынуждены были стать бродягами и, впад в праздность, частью погибли от голода**».⁶

Ранние Тюдоры, будучи монархами абсолютными, в подражание французским коллегам изображали заботу о низших слоях населения, поэтому в 1489 и 1515 принимали акты против огораживаний, которые, впрочем, оказались формальными и безрезультатными.⁷

В реальности законодательство Тюдоров разворачивает борьбу не против причин, обрекающих людей на бродяжничество, нищенство и попрошайничество, а непосредственно против жертв экспроприации – неимущих, ставших нищими и бродягами.

Уже закон от 1495 года наказывал местным властям усилить борьбу с нищенством и бродяжничеством, не останавливаясь перед самыми жестокими мерами. Шерифам (чиновникам короны), мэрам, бейлифам и констеблям надлежало отловить на подведомственной им территории всех бродяг, неработающих и вообще всех «праздных подозрительных» лиц, арестовать их и **посадить в колодки, «так, чтобы они (бродяги) оставались в таком положении без всякой пищи, хлеба и воды**». Если бродяга будет схвачен еще раз на том же месте, тогда предписывалось снова его арестовать и посадить в колодки уже на шесть суток и содержать истощенного человека на той же голодной диете. Ну и так далее, пока не умрет.⁸

И дальше свирепость идет по нарастающей. Акт Генриха VIII о нищих, изданный в 1530–1531, предусматривал более суровые наказания. Больного и нетрудоспособного нищего за сбор милостыни в другой *сотне* (мельчайшее территориально-административное образование) предписывалось заключать в колодки с содержанием на хлебе и воде. (Видимо, считалось, что так они поправят свое здоровье). «Здорового нищего» после ареста сдавали мировым судьям – чиновникам, назначаемым короной из числа местных богатых землевладельцев. Последние должны были присудить его к кровавому бичеванию. Нищего раздевали, приковывали к заднему краю телеги и били на протяжении всего пути через то торговое

⁴ Т. Мор. Утопия. Изд-во АН СССР, 1947, с. 58.

⁵ Тревельян Дж. М. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, 2001, с. 126.

⁶ Семенов В.Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. Изд-во АН СССР, 1949, с. 164, 168, 180.

⁷ Тревельян, с. 126.

⁸ Tanner. Tudor Constitutional Documents, 1922, p. 443–444; Семенов В.Ф. Пауперизм в Англии XVI века и законодательство Тюдоров. В сб. Средние века. Выпуск IV. М., 1953.

селение (market town) или какое-нибудь другое место, где производилась экзекуция, «до тех пор, пока тело его (нищего) **не будет всё покрыто кровью**».

После этого окровавленный нищий давал клятву в том, что немедленно возвратится на то место, где родился или проживал до своего наказания в течении последних трех лет, и «там примется за работу, какая ему приличествует». Высеченному за бедность человеку выдавалось удостоверение в том, что он действительно был наказан в таком-то месте, в такое-то время и таким-то образом. (Вот это действительно по-европейски – выпороть и дать на то сертификат качества.) Если нищий не мог или не хотел вернуться к предписанному месту жительства, то наказание повторялось снова и снова.⁹

И вот оказывается, что «родина свободы» является страной кнута. Да и безмерные похвалы либеральных авторов в честь ранней отмены английского крепостничества тоже натянуты. Нет в Англии свободы передвижения, ограбленного пролетаризованного крестьянина прикрепляют, да только не к земле, которой у него уже нет, а к капиталистам по месту жительства.

Дальнейшим развитием акта 1530–31 года был акт того же Генриха VIII от 1535–1536 года.

Статут запрещал беднякам собирать самим милостыню и предписывал прекратить раздачу индивидуальной милостыни отдельными лицами («чтобы никто не давал открытой милостыни ни деньгами, не чем либо другим иначе, как через общественные ящики...»). Нарушители подвергались штрафу в размере **десятикратно превышающем ту милостыню, что они подали «незаконным способом**».¹⁰ В воспетом англофилами «обществе индивидуалистов» не допускается индивидуально проявлять свои добрые наклонности и помогать людям.

Все эти решительные меры не помогали избавлению от нищеты и бродяжничества, ведь сама система массово производила обездоленных.

Правительственный документ конца царствования Генриха VIII свидетельствует: «Во всех местах королевства Англия бродяги и нищие в течение долгого времени все увеличиваются в своем числе и продолжают еще больше умножаться вследствие лени, этой матери пороков, отчего происходит и ежедневно возрастают воровство, убийство и другие отвратительные преступления и насилия».¹¹ Что ж это за эпидемия лени у трудолюбивых, как нам всегда, говорили европейцев? После этого подумаешь о некоем predetermined лицемерии капитализма – в стране недавно еще относительно благополучной, с плодородными почвами и мягким климатом, нищета и бродяжничество приписываются лени ограбленных, а не жадности грабителей.

Даже создатель парадно-лакированной «История Англии от Чосера до королевы Виктории» Дж. Тревелиян в среди «толп закоренелых нищих, которые были бедствием при первых Тюдорах» упоминает «землепашцев, оставшихся без работы вследствие огораживания пастбищ». Приводит и такую причину огораживаний: «Лендлорды вынужден были, если они не хотели разориться, повышать ренту, когда кончались сроки аренды, и эксплуатировать землю наиболее выгодно – отводить ее под пастбища, а не под пашню».¹² Либеральный историк лицемерит качественно – лендлорд, оказывается, вынужден был грабить и изгонять крестьян, поскольку ему угрожали разорение, посох и сума – хотя тут же намекает, что это попросту было выгодно.

⁹ Tanner, p. 475–479.

¹⁰ Tanner, p. 479–481.

¹¹ Tanner, p. 475.

¹² Тревелиян, с. 122, 129.

Постаравшись поскорее пробежать тему огораживаний при Тюдорах, Тревелиян в главе о более поздних парламентских огораживаниях 18 века вынужден объяснять, что «Кент, Эссекс, Суссекс, северные и западные графства и Уэльс были мало затронуты законами об огораживании, потому что значительная часть их земельной площади состояла из полей... огороженных много лет назад.»¹³ И в числе тех областей, что были особенно затронуты огораживаниями при Тюдорах, самые густонаселенные в стране.

Писавший в 70-х годах XVI века У. Гаррисон, ссылаясь на подсчеты итальянского врача Кардана, служившего при дворе Эдуарда VI, сообщил колоссальную цифру воров (то есть согнанных с кормилицы-земли и обреченных на нищенство крестьян), которых **казнили при Генрихе VIII: до 72 тысяч.**¹⁴

И это в стране с населением едва ли достигающим 2,5 млн. чел.¹⁵ Английские законы насчитывали сотни преступлений, за которые полагалась смертная казнь, например за кражу на сумму в 2 шиллинга (стоимость курицы) – а ведь для ограбленных людей кража еды оставалась последним способом спасти от голодной смерти себя и своих близких. По сути правящий класс – как это по-английски – совершив преступление, ограбив массу людей, выставил их в роли преступников и стал примерно карать.

Современники были практически единодушны в том, что неимущие люди, лишенные своего участка земли и средств производства, уже в 16 в. составляли наиболее многочисленную часть английского общества. (И в этом отношении оно было явно впереди планеты всей.) Получается, что тюдоровское законодательство против бродяг и нищих было инструментом насилия, которым закреплялись результаты разорения большинства населения жадным властвующим меньшинством, причем содеянного в исторически кратчайшие сроки. Вот так она и росла, западная «демократия».¹⁶

Согласно акту 1547 года, всякий «здоровый нищий» или бродяга, уклоняющийся от предлагаемой ему работы, **обращается в рабство и отдается тому лицу, которое донесет на него как на праздношатающегося** (бродягу). Хозяин-рабовладелец может заставить своего раба выполнять любую работу, кормить его самой дрянной пищей (отбросами). Может завещать его по наследству, отдать внаймы. Мировые судьи обязаны по заявлению рабовладельца разыскивать раба, если он сбежал от такого счастья. После первого побега обращенный в рабство присуждается к пожизненному рабству, на его лице выжигается S (slave – раб), после второго ставится новое клеймо, после третьего его **казнят как государственного преступника** (felon).

Бродягу, если он прожил в «недозволенном ему месте» более трех дней, предписывалось схватывать, клеймить знаком V (vagabond – бродяга) и, заковав в цепи, направлять на дорожные и другие тяжелые работы.

У бродяг отнимали их детей, которых также обращали в рабов под предлогом «обучения их труду». Хозяева могли на законном основании подвергать их любым наказаниям, бить плетьюми и заковывать в цепи.

Нищий, если хотел избежать наказания, должен был остаться навсегда в своем приходе и брать любую работу, которую дадут приходские власти. Закон явно рассматривал его как **«раба прихода»** (groundsmen).¹⁷

В этом по своему шедевральному закону поражает и запредельная жестокость к несчастным, и превращения пролетария в прямого раба капитала.

¹³ Тревелиян, с. 403.

¹⁴ W. Harrison. The description of England prefixed to the Holinshed's Chronicles. Vol.I, 1807, p.186.

¹⁵ Самаркин В.В. Историческая география Западной Европы в средние века. М., 1976, с. 197.

¹⁶ Самаркин В.В. Историческая география Западной Европы в средние века. М., 1976, с. 191.

¹⁷ Роджерс Т. История труда и заработной платы в Англии. СПб., 1899, с. 346.

Тюдоровское законодательство ясно показывает, что «освобождение» крестьян от крепостной зависимости означает только то, что они больше на земле не нужны. Это было освобождением от источников пропитания, дома и двора, но отнюдь не освобождением от работы на хозяина. Прикрепление к земле заменялось прикреплением к приходу (месту жительства), а фактически к сообществу местных капиталистов, здесь бывший крестьянин должен был отдать свой труд ближайшему нанимателю за гроши. А другой оплаты капиталист и не предложит, зная, что работник никуда от него не денется.

Елизаветинский «золотой век»

Ранние Тюдоры сменяются поздними – наступает длительное царствование Елизаветы I (1558–1603), которому многие либеральные историки возносят хвалу как «золотому веку». Не было ли случившиеся при ранних Тюдорах некоторым перекосом первоначального накопления капитала?

Елизаветинский статут 1563 г. определяет, что всякий в возрасте от 20 до 60 лет (в то время даже до 46 лет доживал лишь один из десяти), не имеющий определенных занятий, обязан работать у того хозяина, который пожелает его нанять. Продолжительность рабочего дня устанавливалась от зари до зари, а размер заработной платы определялся мировыми судьями т. е. представителями интересов нанимателей. Статут строго **карал того, кто получает или дает зарплату выше установленного судьей**. И будет этот статут действовать до конца 18 в.¹⁸

И где ж свобода продажи труда-товара? На самом деле воспетая либеральными историками «свобода труда» вовсе не относится к принципиальным вещам для капитализма. Эта система действует, исходя из совсем другого принципа: снижение издержек, в первую очередь оплаты труда, ради максимизации прибыли. Капитализм готов свести оплату труда вообще к нулю и сделать его рабским.

В 1560-х «благороднейший из англичан» – Джон Хокинс начинает торговать черными рабами Золотого Берега Гвинеи – и, конечно же, пожалован королевой в сэры.¹⁹ К такому важному источнику накоплению капитала, как торговля черными рабами, Англия почти одновременно добавит и масштабное пиратство на трансатлантических коммуникациях – однако это не улучшит отношения к собственным подданным короны.

¹⁸ История средних веков. Т.2. М., 1977; Тревельян, с. 299.

¹⁹ Тревельян, с. 151.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.